

С М И Е Ш И А

6

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОСПИТАННИКИ ФЛОТА

Зарисовки и текст
Владимира Цигала

Боря Пахомов

Толя Снежко

Витя

Дима

Петя Бодня

В летописи битв за освобождение от немецких захватчиков наших черноморских городов — Новороссийска, Керчи, Феодосии — особую главу составят повествования о вехах героих моряков, воспитанников флота.

Много раз ходил в море с отцом-моряком двенадцатилетний Боря Пахомов, участвовал в выполнении боевых заданий. Отца сразил вражеский пуля во время десанта в Керчи. Бору усновил батальон, в котором служил старый моряк. Мы встретили Бориса Пахомова в Краму, в землянке под старой генуэзской крепостью.

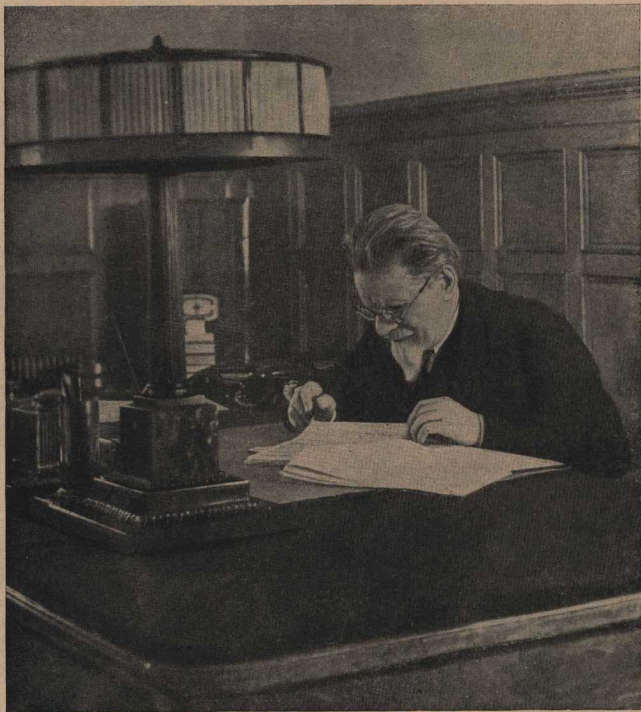
Проявляющие моряки батальона Героя Советского Союза майора Белаякова с восхищением рассказывают о храбрости своего воспитанника Пети Бодня. Викрастная парнишка — комсомолец, автоматчик и связист — под градом пуль переползал с позиции на позицию, передавая приказ командиру.

Юный моряк Дима — любимец одного из подразделений морской пехоты. Он как истый матрос носит широкие брюки, полдюжину тельняшек и бескозырку. На боку у Димы — здоровенный штык. Участник десанта на Малау Землю под Новороссийском, он вместе с другими храбро сражался с фашистами.

Батальон Героя Советского Союза капитана-лейтенанта Ботылева воспитал двенадцатилетнего мальчика, которого называют здесь только по имени — Витя. В Керчи Витя застрелял из автомата первого немца — рыжего долговязого детину. Маленький автоматчик высадился на крымскую землю с десантом моряков, участвовал в боях, был ранен, но вскоре вновь вернулся в строй.

В одном из гвардейских зенитных полков есть воспитанник — восьмилетний мальш Толя Снежко. С большим достоинством носит Толя выданный ему в полку значок гвардейца.

Фото Г. Петрова (1944 г.)

М. И. КАЛИНИН.

**ГОРЯЧИИ ПРИВЕТ ОТ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ
КАЛИНИНУ В ДЕНЬ 25-ЛЕТИЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА ПОСТУ РУКОВОДИТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО ОРГАНА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА!**

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Рассказ

Рисунки В. Горюева

Товарищи, я узнала, в этой школе шесть лет, сидела в этом классе, вот за той партой... Все на этот портрет Михаила Юрьевича Лермонтова я могла смотреть без конца и доклевывать про себя его стихи.

Это было всего два года назад—до войны. Если бы только струсил меня, готовила я умереть за Родину, я бы, наверно, растерялась, потому что тогда мы об этом как-то не думали. Но сейчас я могу сказать: если мне идти на смерть, я хотела бы умереть, как Зои Космодемьянская. И то, что я делала, по сравнению с подвигом Зои так мало, что мне всё время кажется, будто я не заслуживаю звания Героя Советского Союза.

Там пот, и узнала, и мечтала стать преподавательницей литературы. Но началась война. Я отпривалила в райком комсомола и попросила направить меня на военную работу. Я не знала, что это будет за работа. Подумала, например, что возьмут в райкомкомат записать карточки: я там один раз уже работала; или пойти в медицинские сестры. Вовка Горбачёв из детского класса «Б» сказал мне: «В сестры идти не стои! Мы знаем друг друга слово всегда было вместе, а мне идти в сестры неприлично...» Я на это только рассмеялась.

Вскоре я узнала, что некоторых девушек призвали в военный тыл для выполнения особых заданий. Я попросилась на эту работу.

О том, как нас учили на курсах, рассказывать не буду. Скажу только, что очень коротко было в короткий срок стать и работницей и заводщицей, и швейком, и автомашником, и разведчицей. Очень строго учили. Мне однажды здорово пошло за Лермонтова—это мой любимый поэт. Один раз подполковник Асманьян—наш преподаватель—вызывает меня и говорит: «Ирошавцева, представьте себе такую ситуацию: вас сбросили в тыл, вы приходите на японское партизанское место, а там партизан нет и в помине. Нужно тут как-нибудь Вы пытаетесь сами установить связь с партизанами, но у вас ничего не получается. Какое решение вы примете в этой обстановке?»

И в ответном подполковнику: «Безник русский поэт Лермонтов писал: «Мне нужно действовать, я каждый день бессмертным сделать бы желала, как тень Божьего героя, и пожать. Я не могу, что значат откладывать»,— одним словом, товарищ подполковник, я буду действовать в одиночку и, как сказала тот же Лермонтов: «И об участи заботы».

Не поспорю пред коллежницей! Ну, и пошла же мне от подполковника за Михаила Юрьевича!.

Скоро окончилась наша учёба, и вот вызывает меня к себе наш главный начальник. Прихожу к нему в кабинет и сразу растерялась, потому что забыла, как надо обращаться к начальнику. Он предлагает мне сесть и спрашивает, знала ли я местность в районе украинского города Н. Я даже засмеялась: как не знать эту местность, если там прошло моё детство? Он и говорит: «Это очень хорошо! Вам там придется установить связь с партизанами».

Когда разговор окончился, начальник пожал мне руку и сказал: «Желаю вам, товарищи Ирошавцева, успеха в вашем благородном деле. Я чуть не заплакала от радости, но удержалась и ответила: «Я буду стараться всё сделать, как нужно».

— Зайди, Поговорим.

Начало меня сбросили на парашюте в сорока километрах от города Н. Костом на мне был деревенский. Я имела при себе заряд взрывчатки, две гранаты и пистолет-автомат. Всё это я зарыла в землю и пошла в горы искать работу.

Утрусилась я в немецкую парижакерскую.

— Эй, вою и прибор!

— Битте, майн герр!

Я работала очень хорошо. Хозяйка парижакерской, одионогий немец, говорила про меня клиентам: «Она моя правая нога». Он даже стал подучивать меня своему ремеслу, и я за это ухитрилась.

Работала я, в месяцу промол, подожние мой начинатт осоложнитт с каждым днём всё больше и больше. Во-первых, прошёл целый месяц, а я с партизанами связи так и не установила: подполковник тогда на звание прямо как я воду снегом. Во-вторых, уже оканчивался срок изучения

обстановки и я должна была принимать решение, а я обстановку ещё не изучила и у меня другой раз прямо руки тряслись от растерянности.

«Мне нужно действовать, я каждый день бессмертным сделать бы желала...»

Да, а тут ещё новая трудность возникла: одионогий чорт хозин начал ко мне приставать, грозить, что если не отвечу на его вопросы, он отправит меня в Германию. Только этого не хватало! И вдруг счастье ко мне повернулось: в парижакерскую приходит — кто бы вы думали? — мадам Круст! жена господина Круста — аничного преставителя Гитлера. Хозяйка в это время де было на месте. Она выкуталаась по его адресу и уже хотела уходить, но я её остановила и сказала, славным мадам, не нужна ли вам хорошая работница на кухню или нинька или что хотите? И здесь не хочу работать. Я хочу в хороший дом».

Мадам отдала меня с ног до головы и сказала: «Зайди. Поговорим».

Так поступила я в кухонные дежки в дом самого обер-палача Круста. На четвертый день моей работы у него иду я с рыжка и меня останавливает старик-индич. Он просит у меня хлеба и тут же говорит партизанский пароль. Я ему отвечаю. Тогда он быстро говорит: «Партизаны довольны твоей работой. Приказано тебе торопиться. Войди к ним: полное доверие и попробуй влезть у Круста также бумажки документы, а потом приведёшь в исполнение приказов партизан: убьёшь Круста. Много наших людей побуба этот кровавый палач. Ещё в начале войны в Крыму партизаны однажды добралась до этого Круста, но убить его не удалось, палач отдался только ранной. Долог о нём было слышно, но месяц назад он вынырнул на Украину и поселился здесь, в городе Н. Прислан он о специальных заданиях Гитлера — организовать массовый штурм нашей молодёжи в Германии. И вот нужно убрать этого Круста». Сказала это старик и как свёзёв земаю провалился. А мне стало так хорошо, так хорошо! Я иду домой, ног под собой не чувю.

Но с документами ничего не вышло. Круст имел домашний кабинет на втором этаже, в мезонине, там была и спальня. И хотя я вошла в полное доверие, всё же мне подниматься в мезонин было категорически воспрещено: там работала горничная-немецка. Ну, конечно, потому она мне тоже сослужила службу...

— Под крайнюю кровать кладу взрывчатку...

Итак, нужно было ждать удобного момента. Под предлогом навестить сестру я уже давно скопился на месте, где зарыта оружие. Взяв гранату и гранаты вынул, и теперь они лежали в доме в надёжном месте.

Наступает хороший весенний вечер. Чёрнуха в цвету, как в пене. В соседнем саду соловой покосил захлобывается трельми. Сиджу я на ступеньках чередуя кругового дома, и вдруг ко мне ползёт немка-горничная. «Я, — говорит, — сейчас иду по делам. (А я знаю все её дела: она в то время с одним лейтенантом дружила.) Господин Круст, — говорит она радостно, — на торжественном вечере и завтра будет пить кофе. В час ночи поднимемся в его комнату, чтобы себе чай. Там стоит заправленный кофейник, заваривши спиртовку, а когда кофе вскипит, погасишь и уйдёшь. Всё понятно?»

Я отвечаю, что всё будет сделано точно, и немка уходит. «Ну, — думаю, — вот и стал тот момент, которого и так ждала Действуй, Маринья!» А ноги у меня словно онемели, не могу с места двинуться. А кругом слышу тихое-тихо, даже соловой замочка. Только сердце стучит. Я поднимаюсь, как во сне, и иду на кухню, достаю взрывчатку, часовой механизм для замаскированного взрыва, гранаты и иду на второй этаж. Вот и спалыня Круста — два широких низких кроватки. Под крайнюю кровать клашу взрывчатку и делаю воронку гранату. Другую гранату на всякий случай кладу в карман. Постепенно оно становится всё спокойнее и спокойнее. А когда я завела часом, то совершенно успокоилась и начала обдумывать, на что мне поставил стрелку для взрыва. На но, на четыре в это время он наверняка будет в постели. Мне представляется как Круст ложится в постель, закуривая сигару, — и в это время трах — и всё летит к дивану! В час ночи и вскипятила кофе и сразу сошла вниз и уехала на старое место на ступеньках веранды.

Около двух часов ночи приехал Круст. Я слышала, как он вместе с лейтенантом прошёл к себе наверх, потом лейтенант спустился вниз и заперся в своей комнате. Пришла немка-горничная. Она сказала всё им в порядке. Я отвечаю «да» и не удержалась — зашевелилась от радости. А немка ругалась, но я молчала и дурила: «Ах ты, ах ты, покричи непоселок». На горничную слышались отголоски три часа ночи. Жить становится прямо невыносимо. Минута, ещё минута! Вот дотого взлетела ракета, чуть покосила в небо и рассыпалась тысячей звезд. Ещё минута... О нём бы думать, чтобы скорей прохлонули эти огромные минуты!

«Ты идишь на пол в битвы,
Но услышь мой молитвы...»

...Ещё минута.

«Блещет парус одинокий
В тумане моря голубом,
Что ищет он в стране далёкой,
Что кинул он в краю родном!»

Ещё несколько томительных минут...

Всплещ чьей на клавише бьют чёткие часы. Четверо уйдя, и кругом снова всё тихо, тихо. Я сразу же не сообразила, что произошло, и, словно ослепшая от какого-то подсознательного ужаса, сиджу на ступеньках. Я так страстно ждала взрыва, что заблоса о простодушности и не отозвалась с Я так хорошо сообразила, что не сошла в час, Часы не сработали! Мгновенно я принимаю решение и становлюсь быстрее, как кошка. Я зряжаю гранату и прижимаю её к ступенькам, чтобы взлетело на второй этаж. Дверь в спальню не заперта. Я распахиваю её и вижу застеленную постель, в которой лежит Круст. Взяв руки — и тут же летит граната. Я заволаю дверь и стремглав убегаю вниз. Кухня, ступеньки веранды. Вот я уже бегу по саду и, затем я ничего не помню.

Когда я очнулась, было светло. Я лежала

на выжком в густом малиннике. Хотела приподняться, но реска боль в спине снова бросила меня на землю. Пролетевшая боль, я поднимаюсь, смотрю на дом — крыша обрушилась. Значит, всё сработало на славу! Мне хочется кричать «ура», хлопнуть в ладоши, но я вижу немцев, ползущих к развалинам дома... Теперь бежать, скорей бежать!

И я побежала. Путь мой оказался очень долгим. Прежде чем я выткнулась на партизанский отряд, прошло почти два месяца. От взрыва у меня надлоло прилола слух, пришлось пролзгаться очень осторожно, чтобы избежать встречи с немцами.

— Я зряжаю гранату и взлетаю на второй этаж.

Командир партизанского отряда дал радиogramму в Москву, и через пять дней на посланную шлюпку партизанского отряда прилетел самолёт. Мы все побежали к самолёту, и вдруг я вижу — с крыла соскакивает тот самый полковник, поминте, который журил меня за Лермонтова. Он спрашивает у партизан: «Яро-лавлева у вас?» Я подхожу к нему по всем правилам военной пытки и рапорт. А он бросился ко мне, начал плавать, но я ничего этого не замечаю и реву, как посаженная дуря.

Потом полковник говорит партизанам: «Мария Ярославцева сделала какое-то партизанки Украины важное дело. Она активировала матёрого бандита и плава. Сам Гитлер пролил о нём свои большие слёзы. Мария Ярославцева исполонила приговор народа. Но командованию думало, что Ярославцева погибла во время взрыва, и считалось, что звание Героя Советского Союза ей дано посмертно. И вдруг вы сообщали, что она жива. Я немедленно доставить её в Москву».

Ну, что там было, рассказывать невозможно — меня качали минут двадцать. А потом просто начался слезы. Полёт в Москву... Живу в самой хорошей обстановке, где из окна виден Кремль... Потом я сама иду в Кремль... Михаил Иванович Клидин вручает мне Золотую звезду и орден Ассенина... Потом с фронта приехал Бонда Горбачёв. У него орден лет, и он стал быть как раз нам и не было нужным...

Теперь, товарищи, собственно, и всё... Теперь и реска утихла, на амальгамную радистку. Быть может, там привнесёно сделать что-нибудь особенное — авиация!

Алексей Сурков

ШТУРМОВИКИ

Смистит и вот ветер злой.

Лохомья тут низкий.

Связать дождь и ветер над землёй
Летит штурмовики.

Изрост железов и свинцом

Простор воздушных трасс.

Мы с смерть идём аперёд лицом,

И смерть обходит нас.

Сверкает трассы в вышине.

Землику бьют не в лад.

По аркашке танковой брони

Сечёт железный град.

От нас не справится с огарг:

Везде огонь найдёт.

Надзором «чёрной смертью» враг

Штурмовиков зрёт.

В жестоком, яростном бою

Сердца как сталь, крепки.

На бой за родную сушу

Летят штурмовики.

Струя смертельного огня

Мы будем ниващ жечь.

Отвага — ослепну брони,

И дерзость — острый меч.

★

Сергей Островой

Два стихотворения

1

Не выходят в море без асла.

На ветру на занегают сны.

Если б я не знал, что ты ждала,

Я и сам не ждал бы нашей встречи.

Пусть солжик знает, что вернул

Говорит про немость, про утрату...

Но жена солдата, но жена —

Разве можно лгать о солдату!

Он ей аверил лучшее слово.

Всю разлукку вымерил шагами.

Он в пути, замёрзшими губами,

Имла выговаривал её.

Оттого и ворит: не глала,

Не вела обманные речи.

...Если б я не знал, что ты ждала,

Я и сам не ждал бы нашей встречи.

2

Когда я думаю о том,

Что из далёкого похода

Я вновь иду в родимый дом,

Где ты ждала меня три года,

Где, русской верности гордая,

Ты немность женщины хранила —

Как мне закончас тогда

Приминить всё, что с нами было.

Но замолчу. Но стисну крик.

Но обоюду тебя сурюю.

И мы, наверно, в первый миг

Не сможем выломать из слова.

Тек нам разлукку судило...

У первых встреч одно начало:

Из многих слов найди одно:

Которое бы всё сказало.

Три письма

Три письма, адресованные Александре Викторовне Ходоровской, рисуют образ смелой и непреклонной девушки, отважно отстаивающей не только родную землю, но и то лучшее, что воспитала наша родинка в человеке — душевную чистоту, честность и глубиную человеческую отзывчивость, высокое чувство товарищества. Эти письма говорят о том, кем была Нина для своих друзей, как умела она поддержать и укрепить веру в себя.

Человечески прекрасно отношение Нины к артиллеристу Петру. Не любя его как близкий человек, не успев полюбить его так, как он этого хотел, девушка сделала все, чтобы душевно обогатить своего друга. Не согласившись ни на какие уступки и компромиссы, она наполнила высоким содержанием жизнь этого юноши. Читатель в письме Петру — и вы поймете, что никогда не умрёт Нина в его сердце. Эти письма забудут Нину её друзья, а в памяти друзей — бесмертно погибших.

Но не только память друзей завоевала Нина Ходоровская. Верой в будущее она при жизни завоевала настоящее. Её чистота, вера в глубинную и значимость человеческих чувств дали ей то горделивое сознание «громадной силы», о которой она говорила своей подруге, слабой, которой истощены утраты, — радость борьбы, радость победы, радость настоящей дружбы и заслуженного уважения.

— Хоть сейчас смерть идёт рядом и мысль о ней стала привычной, не такти это жить, — говорила Нина Ходоровская своей подруге. — Так пусть же она будет настоящей жизнью.

Жить же настоящей жизнью для Нины значило жить без устоек и скидок на время и место, жить во все полагая мыслью и чувств человека, у которого есть будущее.

*«Счастие в том, что жить заводи,
Колесится родине след,
В радостном гуде прохлдит бой,
И в труде этом кипит твое».*

(Из стихов Н. Ходоровской.)

Дорогая ниночка мама!

Вы, конечно, гадаете по черке, не поймаю, от кого письмо... Не угадаете. Я хотела написать вам ещё раньше, но всё откладывала. А вот сейчас больше не могу не писать.

Может быть, вам уже всё известно. Дорожка, сегодня мы навсегда простились с вашей дочерью. Не плачьте, мама. Она погибла как славная дочь родинки.

Нина была у нас в месяце сестрой. Но её горячую сердцу было тесно здесь. Она врывалась туда, где прохлдит бой. «Всё равно уйдё!» — говорила Нина. У неё была такой девиз: «Кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот найдёт». И добилась ушла в полк.

Я вам опишу этот день. Был траншеинный бой, очевидно, серьёзный. Был даже несколько наших точек. Среди этого будущего пламени пробиралась девушка с санитарной сумкой на плече. Раненых много было в тот день. Она быстро делает перевязку, перекладывает раненых в укрытие. Она торопит, подгоняет и высиживает труса, и когда нужно для защиты раненых, сама хватается гранаты и бросает в приближающихся немцев.

Под огнём Нина вытаскивала с поля боя шестьдесят раненых бойцов и офицеров. Пытающая минут преследовала её немецкий снайпер и ранил в ногу, но ранение было незначительным.

Правительство выдало её орденом Красной звезды. Здесь, на фронте, перед боем Нина стала коммунисткой.

Когда она получила награду, это была радость и гордость для всей части. Пришла она к нам счастливо, жизнерадостная, со звездой на груди. Я ей говорю: «Все-таки ты замечательная девушка, Нина!» А она в ответ улыбнулась и говорит: «Челушка, обыкновенная девушка».

Она пресираяла трусость, подлость, обман, малочеловечность. Высиживала нытиков. Сама она в годы подлитоной гололовой пережилась все невзгоды войны. Никогда не плакала и не ныла и часто меня от таких вещей удивляла. Я никогда не забуду её слова, все Нина в них.

«Мне б хотелось саомом, как киноном,
Презвиться в гуду «устала» людей,
Чтобы зажечь их желаньем единым,
Заставить их верить смелее».

В трудной нашей фронтовой обстановке она продолжала работать над собой, систематически углубляя свои знания по английскому языку. Писала ли она вам, что была доктором? Она много раз отдавала кровь раненым бойцам.

Мы часто говорили с ней. Дружба с Ниной меня многому научила. Запомнились мне такие её слова: «Я не хочу, чтобы пропала эта гора, чтобы я не пережила сейчас никаких трудностей. Ведь ты пойми, Маша, какое сейчас время войны! И вот хотя смертельно нужен мне и мысль о ней стала привычной, всё-таки это жизнь. Так пусть же она будет настоящей жизнью. Сердце вьётся туда, где свистят пули, где мои товарищи нуждаются в моей помощи. Только ты не подумай, что это пустая романтика или льбопытство. Нет, это гораздо глубже, это чувство громадной силы. И я не испугалась ни смерти, ни ранения, ни уродства. Я должна быть там».

И вот она добилась своего. И стала работать вместе с разведчиками.

Мы все очень гордимся вашей дочерью. Но как приятно для вас чуток, когда зовут Маша Павлова, год рождения 1922. Ниночку знаю с сорок первого года. Как только встретилась, так и шла всё время вместе. Она меня звала Чижиком. Очень много рассказывала о вас, и я храню в сердце прекрасный образ матери Нины. Призовите на помощь все свои материнские силы, пожалуйста, будьте тверды. У нас вот повел Скорич, старичок, тоже всё палчет по ней. И его старенько успокоить, как хоту, а разве поможешь?! Напишите мне хоть несколько слов. С горячим боевым приветом

Маша Павлова.

★

*«Счастие в том, что в табельной дали
Молодые растут горды,
Выплавляют станицы стали,
Всюду части гонят три».*

(Из стихов Н. Ходоровской.)

Здравствуйте, Александра Викторовна! Долго я не решался писать вам, но вы уже от других узнали о том горе, которое постигло нас и меня. Не могу примириться с такой утратой. Мне до сих пор не верит-

ся, что я потерял самое дорогое в моей жизни — надежду на любовь. У меня нет родных, нет близких друзей. Моё счастье было в ней. На тяжёлой фронтовой работе и пощады не было, благодаря ей. Об этом долго рассказывать.

Кланюсь вам, дорогая Александра Викторовна, в первый же разведке отомстить за Нину. Буду метить за неё беспощадно до тех пор, пока жив.

Хоть и тяжело, но постараюсь описать вам всё подробно: ведь она умерла на моих руках. В ночь с 25 на 26-е нам была поставлена задача — взять «языка». Как обычно, с нами пошла и Нина. Пришла на место. Мы и мои товарищи много было сделать прохода в минное поле и проволочном заграждении. Мы надели маскировочные халаты. Я сказал Нине: «Ты не ходи, пойдут санитары». И мы отправляем в свой опасный путь. И шла вторым. За мной ещё шёл человек.

Когда мы подошли к немецким проволочным заграждениям и заехали, к нам подошла Нина. Этого я не ожидал, стала её отпирать обратно, но она отговаривалась: «Мне личнсауужно приехать быть вместе со всеми разведчиками».

В этот момент один из разведчиков, проползая минное поле, попорвался. Нина бросилась помогать раненому. И как раз

Она умерла у меня на руках.
Рис. Г. Валька

в это время немцы нас обнаружили и стала битя нас пулемёты. Я крикнула Нине, чтобы она не поднималась высоко от земли, но она меня и слушать не стала, продолжая делать перевязку. И вот тут всё и случилось. Одна из прожжённых пуль срезала нашу Нину. В горячке она сделала два движения, рванулась вперёд и упала ничком, не промявшив ни одного слова.

Я разорвал её маскировочный халат и стал её одевать на груди, но помочь ничем было нельзя. Пуля прошла дальше и сердце вылезло. Мы похоронили её на кладбище вблизи деревни Княтино. Своими силами разведчики поставили памятник, погарту сделали иконостас.

У меня есть фото, её и ваше. Если вы не против, пусть они мне останутся на память. Не только я все разведчики по-

какими жестоко отомстить за смерть нашей подруги.

Прощу вас, Александра Викторовна, не обижайтесь, если что написано грубо. И сильно волнуется и не могу написать так, чтобы вы легче приняли этот удар. Вот всё. Желаю вам многих лет жизни.

Петр Садовоя.

11/XII 1943 года.

Полесая почта 57651-А.

★

*«Счастье в том, что в боях кровавых
Наш багряный не касался флага,
Что бежит трусливой оравой
С нашей земли презренной орав.»*

(Из стихов Н. Ходоровской.)

Дорогая мамочка! Можешь меня поздравить. Наш генерал вручил мне орден Красной звезды, который уже красуется на моей гимнастёрке. Сказал большая радость и награда для меня — благозарность бойцов и их гордость мною. Вообще, конечно, было очень много волнующего, но обо всем расскажу, когда кончится война и мы снова будем вместе. Скажу только одно: в этих боях принимала участие девушка-снайпер. Я видела, как они сражались. Замечательно!

Ты предполагаешь, что меня снимали? Только собирались и не сняли, потому что у меня был самый «боевой вид». Гимнастёрка и брюки были сплошь заказаны гайной и кровью, и ботинки с обмотками — тоже. Но карточку, обещанную тебе ещё летом, выслалю сейчас, после тщательных попыток достать лучшую. Я живу попрежнему. Сейчас дежурю в перевязочной, мне хочется рассказать тебе кое-что. Некоторые девушки из тех, что находятся здесь, ведут себя не очень хорошо. Мало таких, но всё-таки есть.

Были попытки со стороны кое-кого «повеселиться» и ко мне. Но эти попытки получили серьёзный отпор.

Зато у меня есть настоящие фронтовые друзья, которые верят мне, любят меня и встречают, как родную. Это Машенька,

из медсанбата, старенький Егорыч — повар, старший лейтенант Павел Иванович и Петро — артиллерист (теперь он в нашем полку, я вхожу на артиллерист в снайперский снайпер). И я горжусь такими друзьями.

Павел Иванович мне всегда рассказывает про своих двух дочек, а Егорыч забывает обо мне, точно отец, у Машни, кроме меня, никого нет. Была наша третья подружка — Катя, но она уже в другой армии. В общем хорошо здесь и настоящие друзья, проверенные и в тяжёлые и в счастливые минуты моей фронтовой жизни.

А людей, мамуля, действительно трудно узнать! В этом отношении фронтовая жизнь многому меня научила, заставила зорче всматриваться в душу людей, видеть не только внешние мотивы их поступков.

Хочешь, теперь я напишу тебе про Садовоя Петру. Он узнал меня в первый день, как пришла. Никогда мне занеску, наелся, познакомился. Возможно, он сперва хотел «подфаритнуть», «приволокнуться»... Он простой парень, окончил семь классов сельской школы в Черниговщине, тракторист, шофер-танкист во время финской войны. С виду он привлекательный, статный и красивый. Я подружилась с ним. Он не говорит, что любит меня, но явно ощущаю предпочтение перед другими. Но играть с ним опасно. Во мне заговорила совесть, и через две или три встречи, не веря в его чувство, я сказала, что люблю другого и никогда не полюбила его. А он, мамочка, заплакал. И оказалось, что он один-единственный на свете. У него нет ни одного близкого, и даже места родные были тогда оккупированы.

Я молчала, но мне было жаль его. Я ему поверила, мама. Но что же я могла сказать ему? Мне бы хотелось стать ему родной, но полюбить его я всё-таки никак не могла. И всё же мы постепенно подружились. Потом встречались часто, разговаривали о многом. Он старше меня, но никак не развитый, и мне хотелось поднять его до себя.

Мне кажется, что наш разговоры много дали ему, да и он не раз сам говорил об этом. Он был писарем при штабе. Стыл

но ведь, правда, молодому и здоровому парню занимать такую должность! Хотел и держал его против воли, но я смеялась над ним, и бедняга изо всех сил старался выбраться оттуда. Теперь он на передовой. Смелый, храбрый, простоял зенитная батарея, где опаснее всего. Теперь я узнаю его. Вот и сейчас он стоит на самом опасном месте нашей обороны — в боевом охранении на острове.

Ты, верно, думаешь всё же, что я влюблена в него? Нет, мамочка, честное слово, нет. А дружу и с ним здорово — это верно. И я горжусь тем, что наша дружба поможет ему стать развитым и смелым человеком.

Он любит меня — это кажется, верно, хотя иногда я всё же сомневаюсь. Я горжусь тем, что он уважает меня, что я добилась таких чистых отношений между мужчиной и женщиной, как у меня с ним. И мне бы хотелось в минуту опасности быть рядом с ним.

Рассказала я сегодня про своих друзей. Но ведь тебе интересно, не правда ли? Ты только думаешь всё не ошиблась бы! Но боясь, мамочка, не обидишь.

Старик Егорыч всё мечтает о том, как после войны мы с тобой приедем к ним в Тамбовскую область, в Болоч, абаши и мёд ешь.

Ну хватит к себе.

Да, знаешь, мамуля и причёску новую! Две косички заплетать вперёд и закалываю их сверху анжирской булавкой.

Рада, что у вас кое-что уродилось на огороде. Написки, бывает ли ребята у тебя и что слышно об институте. Вот вернусь с победой и возьмусь за занятия! Крепко целую тебя.

Нина.

★

Нина не вернулась. Она погибла, как всякая дочь родины, выполнив свой долг до конца.

Но из этих трёх простых писем вырастает перед нами светлый образ девушки, мужественной и гордой, высоко прошедшей по жизни свою честность, понимание дружбы и любви, свою верность друзьям и родине.

ЛЕНИНГРАД СЕГОДНЯ

На снимке слева — Nevsky prospect; на снимке справа — комсомольско-молодёжная бригада

Ольги Тоговой за ремонтом разрушенного дома на улице Декабристов.

Фото Ю. Мясникова.

ря», в «красный баглан», в «пища мина».

За квартиру и пищу он теперь платит услугами: учит хозяйских детей, колет дрова, вносит воду, моет поля. И всегда неспит.

Его любят за веселый нрав, за улыбку, за песню. «Как шагала в поле, как солонный ауч» — говорит о нем. И никто не видит, что Алексас сидит ночью на своей кровати, печальный, с полными слез глазами. Рано вылетает орнамент из гнезда!

5

Алексас окончил гимназию. Нужно выбрать профессора. И Алексас становится народным учителем: он любит детей простой и сильной любовью и сам всю жизнь остается ребенком — простым, отважным, веселым.

Как матери не нравилось его имя, так ему не нравился фамилия отца. И, по старому сербскому обычаю, Алексас берет себе фамилию — прозвище Дулинич. В документах он пишет: «Алексас Чолинич Дулинич». Мужественный, гордо независимый, несправедливый, он жалея, что не может совсем избавиться от фамилии отца.

Закон гласил: первые десять лет учитель должен преподавать в школе. Дулинич с радостью подчинился закону: в сербском крестьянине — «селак» — он видел старого Иовану, правого и мудрого творца в беде, свято хранящего предания и сказки родины.

Сельские школы были одинаковы: забеленные стены, простой украшенный столяр, закатанные чернилами, несправленные столы. За каждым столом сидят 5—6 мальчиков. В углу древняя клепаная доска, оран от старости, на которой только орнаментный взор деревенского ребенка может различить написанное. Нет ни книг для чтения, ни географических карт, ни гипсовых фигур, ни чучел, которыми гордятся городские школы. Нет даже глобуса.

6

— Алексас Дулинич замечивала урок географии. Но памяту о парковом на старой клепаной доске берега Адриатического моря. Получилась непохожее. Алексас улыбнулся. Ему вспоминались слова старика Иована: «Земля плавает в море, как желток в яйце». Жив ли старик?

Повернувшись спиной к Адриатическому морю, Алексас говорит:

— Теперь, дети, мы будем заниматься историей. Сегодня я расскажу вам книгу на Косовом поле.

Он раскрывает учебник Милоево Вукчиича «История сербского народа» и начинает читать.

— Наши старые книги пишут: тогда султан Мурад, собрав великую силу из Азии и из Европы и позвав многие народы в помощь, устремился, как львица лавя, против Сербии и стал приближаться к границам Сербии. Дойдя до сербских границ, турки опустошили все, как сервица, одних в погон угнав, других покорили, третьих ограбили, четвертых убий. Вина, как грады, монастыри, церкви горят и рушатся, многие убийства, поглоты крови и другие

такие же дела, князь Лазарь не хотел дольше ждать, но решил: нав тот похор сонет с собой и своим малым с сам добрым. Оба войска вступили в бой утром 15 июня 1389 года.

Нет, сух учебник, как старый хлеб. Лучше рассказать: старый Иован любил говорить о битве на Косовом поле. Алексас любил своим мыслям и закрыл книжку. Он начал, лавя поверх ихних детских лиц:

— А на Косовом поле ты былса, Иован!

— ...Перед битвой встретились Милоево Обилич с Иованом Косачичем. «Побития Косачич, ты видал ли турок? Сможем мы побить Мурада!» «Профарас я тайком в их лагерь, ходил пятаднать дней; от края до Савали, от железного моста к Звечану, от Звечана до Чечана, а оттуда до паличии столт они вплотную копь к коню дождь прольются — на земан не увидит калек. Тучами реют их знамена, снетом белеют плакати». «Где шафер Мурада? Вчера я поклялся убить султана, стать ногой на горло!» «Ты безумец, в самой сербской войске сулавский пашир и из крылаха не податишь живым!» «Брат Косачич, не говори правды князю Лазарю, чтобы он не испугался. Объяви: турецкие солдаты — все тортошки, старики, мастеравые, неискусные в боях».

Вот сопался на широком Косовом поле турки и сербы: ржук и белеся кони, страшно кричат воины, стучат и бещут сабли. Ударили на турок старый Ю-Вугдан и девять Ювочичей, его сыновей, с войском. Хороши сыновья у Богдана — а вогуши и веселые! На смертный бой собрались как на пир: воеут и шевелятся бестрепые паличи, на ибековых шпихах горят копыла турбанов пола, как истрый ковэр. А с другой стороны бросились на турок трое Мриячвичей: бан Угелаша, воевода Гојко, князь Вукашин с войском. Как на правдике, иврилились Мриячвичея: ярко салцут перья, на швах повязаны шелковые галатки, бестрепые паличи несутся, хлопая,

за спинами. Ударили Мриячвичея на турбанов и смолылали турки. Боскогор Дрогунчи, над девятим свергают сабли.

Будет победа сербам! Но изменили проклятый воевода Вук Вранкович, а воевода бежда со своим полком с кровавого поля. На верю озам, становились на многочисленные сербы. Но уже оправился лав, повернули обратно турки, прибыла к ним свежая помощь: привел ее султанов сын Бадур. Стрелы турецкие знамена ивсрл. Черная туча тушит яркие звезды: гибнут один за одним Ювочичи. Вот и султан Богданаго готт на скакательса с вогушица на скакательса воеводу! Обле лавт турки бана Угелашу, плавает с коня по рубленый бан. Вот и воеводу Гојко произноа коню. Акто ивразпенши, чужа крава Вукашин, и вместе с конем его стоптали турки. Трагесит от збона и грохота шави, свелась лавт коня в крови, сабли от крови почеронели, как руины. Перебили бойцов Милоево, сражесит он один: жарой чернеют вокруг солмавыи конья, лежат окрест турецкие трупы. Не влзть врагам гордого князка! Стали турки бросать сабли под ноги коню; спотнувались верхний конь. Навалились разом турки, севали саблями шпату лоту Милошу. Страшно закричал Милош, схватил копы, подощра конья, как котоло, баялся с врагами длаще. А тем временем трях коней уже уйма под князем Лазарем: тут уже схватились его кровавыми рукави...

Едет по полю гордый султан Мурад, говорит, улыбаелся, визирям: «Тем слава плод победы, что видна я ночью луной сон, будно входит в грудь холодное жало». Варт среди убитых поднимас сербский воин, страшный, весь в крови, а правая нога отрублена. Поднялся и последней силой возглас в Мурада княжиза. Так ивполниа клятву Милош Облики. И гван безымянными об...

В распахнутое окно ворвался ветер, зашевелил волосы над раскрасневшимся девскими лицами, добнй широкими шпум ивств в салковое благоухание. Лица юв окнми, озаренная горячим солнцем, благоуханная и обильная, дышала родина.

— Дети, — сказал дрогнувшим голосом Алексас Дулинич, — вот является большое, а Вука Вранковича, — лино его потемнело от пелена, — а Вука Вранковича пилотет лед прокладивает народ сербский.

★

То было солнечное мирное время — годы детства и годы юности Алексаса Дулинич. В полях, на паличбах, в плодовых садах трудился народ Селе Милош. Но не в садах ружин Ужичкой крепости, раны старого Иована, предания города Валево и суровой Шумадия — лесной стороны, что от долины великой Моравы и Дуныя поднимается все выше и выше к Чечану и к...

И эту суровую готовность к борьбе за свободу с ранних лет восприняло сердце Дулинич.

Анатолий Острейко

ПАРТИЗАНСКИЕ СТИХИ

Эта тонкая книжка стихов белорусского поэта Анатолия Острейко «Слуцкий пояс» вытиснена подпольной слуцкой газетой «Народный иститель». Сборник печатался в подпольной типографии на оккупированной немцами территории, его оформили застаканками, вырезанными на дереве, самодеятельно художники — партизаны-подрытники А. Золотой и А. Беллев.

В книжку А. Острейко вошла часть из стихотворений, которые были написаны поэтом за полгода пребывания в глубоком немецком тылу и распространялись в списках среди партизан и населения.

Никто мы прочитаем несколько стихотворений из сборника «Слуцкий пояс».

СЛУЦКИЙ ПОЯС

Надо мною лазерный холст,
А вокруг всё леса да леса.
Край мой слуцкой из тысячи звёзд
Хочет выткать себе поля.

А когда соберёт в полотно
Да повесит белить, так и знай,
Ночью больше не будет темно,
Хоть иглаки с тропы собирай!

Называется Млечным путём
Этот пояс над лесом ночным.
Серебристым народным шитьём
Он мерцает над краем родным.

Любо поступью лёгкой идти
По полянкам неоконченных трав.

Мы по забёдам находим пути,
Что ведут до немецких застав.

А как ляжет на берег туман
Деревенским ходом голубым;
Этот час белорусско-партизан
Белым днём называет своим.

И тогда не по отсвету звёзд —
По крутинкам осенней росы
Возвращаемся снова на пост,
Вспоминая ночные часы.

Будет пояс висеть, просыхать
Над просторами слуцкой земли
До тех пор, пока будут летать
Через мою Беларусь журавли.

Перевод Веры Звягинцевой

НАМ ДОРОГ КАЖДЫЙ ДЕНЬ И ЧАС

Ты знаешь, что такое дождь —
Да проливной на суток пять,
Когда в руках ржавеет нож,
Когда ни сесть нельзя, ни встать;

Когда лишь кончится метель,
Ручьи рёдеда разную путь,
Когда намозошью шинель
На все криччи не застегнуть;

Когда и дни, как ночь, темны
И по колено грязь кругом —

Во двор, бывало, до войны
Не выйдешь под таким дождём?

Но исполняют долг бойцы:
Нам дорог каждый день и час,
Весь жён, матеря, отцы,
Как солнца, ждуть повсюду нас.

И мы идём. Вперёд идём,
Туда, где Минск и Белосток,
И приближамся с каждым днём
Победы долгожданный срок!

Перевод Павла Вячеславова

МОЯ ЗАПОВЕДЬ

Я и подумат никогда не мог,
Что мне придётся далеко в Польшу
Топтат нетронутый, заселёный мох,
Что буду по траве пробивать вот здесь и,
И — что ни полночь — красться возле хат
С опаской партизанской по дорожкам
И всё глядеть вперёд или назад
Да перекрёстки обходить сторожко.

Я б не сказал, что так уж сладко мне,
Не больно жизнь делет партизана,
Зато я не на вражьи стороне,
Родной мой дом — зелёная поляна.

И по-хозяйски я держу свой путь.
Пусть захлебится кровью чужеземец,
Когда в лицо посмеет загнать
Он, до костей мне ненастный немец.

За ним, как тень, брожу я по паттам:
Едва пригнёт иль сел за стол, — уж, верьте,
Я, словно месь, стою в дверях. Я сам
Гляжу, как он летит в объятия смерти.

Пускай я не доем, и не дослапо,
И с недобротою вскочу щекою,
Но я за землю, что, как мать, люблю,
Злодею ни на миг не дам покоя.

Я партизан — оружие не сложу,
Кровавой я не прекращу расплаты,
Появ навек пластом не положу
Последнего фашиста-супогата.

Перевод Веры Звягинцевой

★

«Мать партизана»

Рисунки Г. Балахова

У ворот проходной прибавила большую свежемороженную масляную красную доску. Доска была застеклена, а под стеклом симметрично полукругом расположились портреты лучших станочников. Над ними дугтой шла золотая надпись: «Лучшие люди завода».

Под фотографией в центре было акрилатно выведено тушью:

«Леонид Карпов, 1928 года рождения. Лучший слесарь-лекальщик 1-го цеха. Норма выработки — 345 процентов».

Увеличенная фотография с добросовестной точностью воспроизводила взбуренный нос и сурово наслуханные белемые брови лучшего заводского лекальщика. Лицо было совсем детское, с чуть надувшим, пухлыми губками. Леонид Карпов подошел к проходной как раз в ту минуту, когда доска с портретами окончательно утвердилась на огромных ржавых крешках. Он точные обнаружил средние портреты своего физиконом и, притянуто нахмурившись, прошёл в узенькую дверь проходной.

Слава имела для Лёни некий горький привкус: люди всё ещё считали его, самостоятельного рабочего, мальчишкой, который он приносил свои стаханковскую науку, вместо того чтоб обрадоваться, как прежде, в спокойные, довоенные дни, когда отец с хитроватой усмешкой вынимал из кармана карандаш, прелемально дёвчал, горноисто всхлипывая руками и причитал:

— Кормилец ты мой маленький, сыночек дорогой!

Начальник цеха, выходя в ведомости цифру его выработки, обязательно повторял одну и ту же шутку:

— Маа да удаа, всех больших обогнал.

К тому же Лёника от природы был коренастый и низкорослый. У станка он работал, взгромоздился на пустой деревянный шпех за дни вышки и станка, его называли «подстаночником». На общезаводском съезде стахановцев кафедр, за которой выступали все ораторы, совершенно скрыла его от глаз зрительного зала и полудобродушно угманный восток полукруглой рабочей аудитории ему пришлось вылезать на середину авансцена, чтобы сказать своё слово. Это было очень обидно.

Он работал как взрослый и даже гораздо лучше многих взрослых. Нормы его выработки росла из месяца в месяц, в отделе технического контроля с уважением проверяли изготовленные им детали: «Это карповские, у него брака не бывает!»

Когда цеховой комсомор принёс в комитет его заявление о вступлении в комсомол, комсомор завода изумлённо сказал:

— Вот не думала, что Карпову уже шестнадцать!

На заводе было немало таких ребят, как сам Лёника, и все они считали себя уже вполне взрослыми, во всём самостоятельными. Среди них находились и такие, которые переживали и многие плохие минуты. Они смирновосвали. Возле цирка и кино, не торгуясь, брали билеты и пересушников, козарили своими заработками. Заработки их были действительно очень высо-

ки, и в обеденный перерыв они громко, во всеушასные, рассуждали о том, что сегодня самодовоа бы выпить.

Случилось так, что и Лёника попал под влияние этой несобойной группы «взрослов». Лёника Карпову вступил в комсомор, он иногда пил.

Но все его заводские сверстники жили так, как он. Миша Ковалевский, лучший токарь завода, вечерами учился в школе рабочей молодёжи и почему-то не обращал внимания на калечку «най-мальчик», которая утвердилась за ним в цехе. Виктор Разумников увлеклся лёгкой атлетикой и каждую свободную минуту отдавал спорту. Бывал на заводе страстные любители чтения, бывал театралом и физкультурником.

Однажды Лёника пришёл в цех нездоровый. Он держался на ногах, но чувствовал себя явно неуверенно. Афанасий Петрович, старый мастер, гордившийся спорной и способностями маленького лекальщика, вскинул на лоб старомодные очки в светлой металлической оправе и поглядел на Лёника тем особенным взглядом, каким он глядел только на безнадёжно запортовувал дельца.

— Не допущу! — коротко сказал он. — Не допущу, ступай вон!

Лёника вичалел возмутиться этим замечанием, попытлся «вломиться в амбицию».

Чегого меня учить, работаю дай бог всякому, а ежели выпил, так это — мое дело, небось я взрослый!.. — заговорила он.

Афанасий Петрович отвернулся, а затем снова презрительным взглядом окинул Лёника. Лёника вдруг почувствовала себя совсем маленьким и оскорбился до слёз.

— С чужим лекальщиком так обращайтесь! Погодите, напалачтесь без меня, да поздно будет! — совсем уже по-детски позорно он и кинулся к дверям.

Крутая камчатная асфальта встретила его за порогом цеха непрерывной пустотой: перед сменой и после окончания работы здесь бывало тесно и многолюдно. Он бегом слёгца вниз, выскочил во двор, и снова его безнадёжно порывала его.

— Куда же теперь! — подумал он, и страшная тоска засосала где-то подложечку.

В комитете комсомола, куда он решил зайти за поддержкой, его встретили настоорожено, сухо. К жалобам на мастера отнеслись неодобрительно.

— Я же не пьян, — кричал Лёника, — а чем у меня изо рта пахнет, — мой дело! Может, он, например, чесноку не выносит, так и от чесноку отказывайся? Нет у него никаких прав издеваться!

— Своим шапку! — врёт строго сказала голае от двери. — Не в хлев пришёл.

Лёника оглянулся. Позади него стоял партгор, высокий, широкоплечий, с орденной Красной звезды на груди.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Ах ты.

Он крепко схватил Лёника руку повисше локтя и подтолкнул его к тоненькой дверной перегородке, отделившей комитет комсомола от парткома.

— Ну, — сказала партгор, садясь за стол, — ты жаловаться пришёл. Мастер к тебе придрался..

— Придрался! Я на фронт работаю, а он..

— А он на фронт, значит, не работает? Один ты за всех старшейся?

Лёника хотел возразить, но под колючим взглядом партгора медленно стаяла с головы пенку.

— Садись, — сказала партгор, — я с тобой говорить буду.. Ты, товарищ Карпов, человек взрослый. Делаешь серьёзные дела. Мы к тебе так и относимся. Отмечаем. Хвалили тебя, вот и в комсомол приняли. Кто о тебе больше всех хорошего говорил, скажи..

— Комсомольцы, — сказал Лёника, не глядя партгору в глаза.

— Комсомола тебе помогать, лучше тебя. А ты чем палитишь?

— Палкой работой, что ли?..

Партгор встал:

— Разве дело только в работе? А после работы что ты делаешь? Я всё всё знаю о твоей жизни. Как ты проводишь вечера, тоже знаю. Мы думаем, и в самом деле ты человек передовой. А теперь лучшим тебя считать, больше не можем.

Лёника молчала. Беспощадные слова партгора жгли его.

Партгор испытательно смотрел на Лёника. Опустив глаза, Лёника молчала и, по всему было видно, испытывала угрызения совести.

— Ладно, — сказала партгор, — подумай, как следует.. Поговорим позже. Какой час?

Лёника невольно оглянулась на стённые электрические часы, висевшие на стене парткома. Часы стояли.

— Стоят..

— Знаю, что стоят. А на твоих?

— У меня часов нет.

— Часов у тебя нет? — переспросила партгор. — Какой же ты после этого лекальщик! А ещё я, говорит, да.. Нет, брат,

У станка от работы, взгромоздился на пустой деревянный шпех.

— Комсомола тебе помогает,— сказала парторг,— расти тебя, А ты чем платишь?

ток, для мастера часы, брат,— первое дело... Ну иди...

Лёнька невольно шагнул к двери.
— И портрет снимете?— угрозою спросил он.

— Снимем.
С обеда его допустили к работе. Он стоял на своём ящике у станка, руки его делали привычные движения, а в голове носились обрывки мыслей. Он чувствовал, что теперь всё изменится и Лёньку все на работе перестанут уважать.

Когда после работы он выходил на порог завода, его портрета до обеда побоя уже не оказалось. И Лёньке показалось, что все смотрят на него как-то наисмешливее, как на провинившегося мальчишку.
Никуда не заходя, он вернувшись домой и бросился на кровать. Ажика и смотрел в потолок. Пришла приятель. Но через сегодняшнего дня ещё ждал в нём.

— Пошли ны все к чорту! — крикнул он. — Никуда я не пойду, и вообще вы мне больше не компания!

Уходя, приятель удаивленно переглянулся между собой.

Утром, после бессонной ночи, он вышел на работу. Владею провела заводской гудок. «И часов даже не заработал», — с досадой подумал Лёнька, вспоминая упрёк парторга. Он стал перебивать в уме, у кого из ребят есть собственные часы. В его компании не было ни у кого. Но зато у отца и его товарищей, успешных вместе с ним на фронт, которые на заводе были одними из самых солидных и квалифицированных рабочих, часы действительно имелись. И Лёнька решил, что обязательно приобретёт себе часы, и не ручные, а большие, кар-

маншье, на цепочке, какие видел у старого мастера Афанасия Петровича.

Лёньке смертельно захотелось вернуть себе былую славу, вновь завоевать потерянное уважение. Если раньше он относился к этому уважению как к должному, то теперь, когда комсомольцы перестали говорить о нём как о лучшем, он понял, что ему надо делом загладить свою вину.

— Вот что, ребята, — сказала как-то он своим приятелям. — Надо кончать. Пора за ум браться... Некоже нам так себя вести, не по-рабочому это!

Работать он стал ещё лучше, и его фамилия уже неизменно была в заводских списках победителей соревнования. Он старался изо всех сил.

Каждые полмесяца повышалась сумма его премиальных. Отдав определённую часть матери на хозяйство, остальное Лёнька прятал в старый отцовский бумажник: он копил деньги на часы.

На заводе шло соревнование молодёжи в честь 25-летия комсомола. В этом соревновании Лёнька взял очень высокие обязательства и выполнил их задолго до срока. На комсомольском собрании, где подводилось предварительные итоги, много говорилось о его успехах. Кто-то сказал:

— Он и в поведении очень исправился, надо отдать должное...

Это было правдой. Никогда Лёнька ещё не чувствовал себя таким взрослым. От прежней компании он совсем отстал, да и старые приятели его стали другими, и после работы у него теперь часами находилось время, чтобы вместе с Виктором Разуминовым повертеться на брусках в

гимнастической зале клуба. Он стал чаще заглядывать в комитет комсомола, и как-то его затанчили на вечер дружбы с книгой в библиотеку. И даже ругались он стал меньше, хотя и не замечал этого.

Двадцать девятого октября в городском театре должно было состояться торжественное собрание комсомольцев и молодёжи города, посвящённое 25-летию комсомола. Накануне Лёньку вызвали в комитет комсомола и вручили именную билет.

— Только смотри, не опаздывай,— строго сказала комсорг и, подозрительно взглянув на Лёньку, добавила: — И чтоб там без всякого чёсика, да постригись... в шапку там не сидят.

— Ладно, — буркнул Лёнька.

Из комитета он ушёл расстроенный. Напоминание о прежней истории вызвало досаду. Как маленького чуча!

...Глу сдержанных голосов наполнила просторное помещение. Лёнька, вкратце постригенный, и пересчитом на него отцовском добротном пиджаке, пробрался по второму яруду, отыскивая своё место. На соседних креслах он увидел Виктора Разуминова и своего мастера Афанасия Петровича. Стариковские очки сегодня твёрдо сидели на горбинке носа.

— Вот я меня т-ы-валю,— ни к кому не обращаясь, сказала мастер.

Заседание открылось докладом. Лёнька с мимолётной завистью взглянул на молоденького, но высокого секретаря горкома, которому кафедра слова доходила до пола.

Докладчик загворил. Это были знакомые, но звучание неизменно волнующие слова о единении фронта и тыла, о боевой продукции, лавной русским воле сталковцев. Потом замолчал знакомый именинник Лёньки, и первым среди них было названо имя Лёньки.

И, как всегда, рядом с его именем были названы его год.

— Лучший в нашем городе шестнадцатилетний сальер-аксельманс Леонид Карпов... — торжало докладчик.

Лёнька сидел зардевшийся.
Секретарь горкома продолжал:

— Сегодня мы отмечаем лучших наших комсомольцев-производственников. Высококвалифицированному мастеру декабристу дела Леониду Карпову в честь двадцатипятилетия комсомола за образцовую работу присуждается премия — именные часы!

Лёнька растерялся и прыгнул руки к груди. Перед глазами его layли ряды кресел, лица товарищей, его знания, сотни тысяч изготовленных его руками сложных деталей, а поверх всего, озирая нестерпимым баеском весь зал, сияли часы, которых он ещё не видел, но которые означали, что он вновь завоевал всеобщее признание, был признан лучшим из лучших и были по праву заслужены им не только и не просто умелым мастерством, но и поведением взрослого человека.

Вскоре он увидел свой портрет вновь вписанным на прежнем месте, среди портретов лучших сталковцев завода.

«ЛЕСНАЯ КРАСАВИЦА»

Рассказ

Свадьба Максима была чудесным уготком Малиновки. Он стоял по соседству тоистого украинского села, несколько поодаль от большой улицы, в окружении красивых белых мажорк. За садом, за мазанью, там, где дорога сворачивает вправо и уходит за холм, простиралась бархатные дуга. Сквозь, в долине, под солнцем на спокойной текла река Лопатиха, и летние кусты облекая купали в ней свое отражение. И если подняться на один из холмов и посмотреть по сторонам, увидишь опрятные малиновковские улицы, аккуратные мнинецкие сады и длинный, уходящий в обрат ряд телеграфных столбов. Тут, Лопатиха.

В самом углу сада, уходя в акацию, стоял дом. Обыкновенный деревянный дом с черепичной крышей и стеклянной верандой, выходящей на чистенький дворик. В этом доме под акацией тридцать лет прожил Максим Архипович Антошко, высокий плотный старик, почтенный и уважаемый эским садовод, слава которого гремела далеко за пределами Малиновки.

Все знали, что тридцать лет назад у этого дома, за изгородью, где сейчас сверкает на солнце сад, лежал огромный пугач, заросший бурьяном и чертополохом, и что это прекрасное превращение — дело златых рук дядюшки Максима Антошки. Но самыми дикими, от зари до зари, ходил он по аккуратным жемчужным аллеям сада, рассматривая каждое деревцо. Часто он что-то шептало, улыбка или хмурился, и казалось, что он разговаривает с яблоками и грушами, как с людьми.

И особенно любил он свой сад весной, когда белым цветом, хочю легким, светлым вишнем, покрывалась ветки приземистых яблонь и груш, высокие яблони и кедровые сосны.

Самыми дорогим для Максима Архиповича деревом была группа «лесная красавица». У ее ствола он ковался часами, ее листья осматривал, объяснял, почему так чернела, в веселой сказочной манере особенно осторожно касался ее ветвей, отсекая засохшие, ненужные, мешающие росту концы. И «лесная красавица» с благоговением приносила ему необычайно сочные, сладкие и нежные плоды.

«...Стоял солнечный августовский день. Небо глядело ласково, легкий ветерок гулял по саду, заглядывая сверху стройных толпелей, проходила шая от журавчат Лопатиха. Сидя дядюшка Максим, наглядываясь сками коронных летних дождей и подпружиненной солнцем, естоблен под тяжестью яблок».

В этот день в Малиновке впервые услышан голос войны.

На улицах села появились повозки, фактои, старинные тарантасы, вагеты, покрытые брезентом наподобие итагаческих шифров. На них ехали женщины, усталые, испуганно заглядывая по сторонам женщины и дети. За ними тянулись бароза и мычание стада овец и коров, сопровождаемые криками потогонщиков, собачьи лаем. И тогда впервые так далеко прозвучало тревожное слово: «Беженцы!».

Малиновка пришла в смутение. С тех пор не было здесь ни спокойных дней, ни спокойных ночей. Беженцы шли пшам и сумрачные лица стариков говорили о том, что приближается недоброе.

А спустя три недели, в ранний, предвесенний час, в селе послышался отдаленный шум пушечной стрельбы, это окончательно наружило жизнь Малиновки.

К вечеру из села отправилась в путь повозка с малиновковскими беженцами. Так же, как и те, первые, они двинулись по шмальной дороге с дестями с домашней утварью, горой наложенной на брычки, и так же шеп-

чальны были лица людей и заплаканы глаза. Длинный истерым ярвавроном растинулся повозки по дороге.

В эти часы у своих ворот стоял дядюшка Максим, грустно глядел на людей и думал: «Хорошо взять коров, овец, лошадей, взять и птиц, овец, коров, даже воар, взять и уйти подальше, чтобы не видеть прогнивших роз немецкой солдаты, памятных мне по восемнадцатому году, чтобы не слышать их горючатого голоса. Хорошо». Но как же быть с садом? Его ведь на брычке не возмешь, и сам он никуда не двинется. Корни крепко сидят он в родной земле».

«Нет, не уйду, — шодумаю он вдух и пошел в сад».

Догад в эту ночь не мог учнуть старый садовод. Он несколько раз вскапывал с аежками, приоткрывала окно и прислушивался к шорохам и одиночным выстрелам.

«Линия фронта приближалась. Мины и снаряды с грохотом взрывались на холмах близ Малиновки, вздымая землю. Раскаты орудийной канонады перекатывались по небосводу, как гром в зыбкий день, и эхом отдавались в лесу над Лопатихой».

Помеетичи сидели на крышах, на чердаках, за каменной изгородью окраинных дворов. Крупнокалиберная пушка стояла в саду, под тенью густых сив. Стрелялось все и земля, и воздух. На созревшие еще плоды падали с яблонь и груш, как опустевшие птицы.

Немцы наседали. К полудню мины загудели над самым садом. На холме показались густые немцы, солдаты. Рассеянный ствол «антововки», согнутое молодое деревцо «пермина» и взъерошенная земля были первыми предостережениями испуганной дядюшки Максима. Несколько пуль попадао в закрытую ставню его дома. Она треснула и беспомощно повисла на ржавой петле.

В саду, у низкой каменной изгороди, задела наши бойцы и отстраивались. Максим Архипович выбежал в сад. Снаряды рвались близко и с такой силой, что деревья взлетали на воздух, разрываясь яблони и груши. За огральной шая бой Немцы с криками врываются во двор. Майор с усталям лицом глетел на перебежчиков с места на место гитлеровцев и моменту подавала окришим голосом команду:

«Огонь! Огонь!»

И залед за заломом смирновскими ударами вливался в ряды немцев, прижимал их к земле, бросал в канавы, сбивал с крыш.

Ошеломленный картиной сражения, Антошко в растерянности глядел на эту суазншедшую пшаску огня, на взлетающие в небо деревья, брычки, лошаки, камни, и казалось ему, что сама земля брычат, и солнце почернело, и пшаль, накрывшая сад серой вуалью, дрожит от сотрясения.

«Дождик! — крикнул кто-то, и дядюшка Максим ушла».

Через несколько мгновений он споминился, поднялся к «лесной красавице» и, взяв винтовку ожеканного воле дерева убитого бойца, начал стрелять, прислушиваясь к приказам майора. Он знал, пошувствовав всем своим существом, что отступить нельзя и что здесь, в яблоком саду, нужно удержаться, но не отдал ни одного клочка взлетевшей и орошншей потом земей. И каждый раз, когда старик слышал характерный шум излучившегося дерева или гудяние удара падающих яблок, сердце его словно зрелова биться, к голове прилепляла кровь и огненные смерчи минных взрывов казались все более страшными.

Вой нарастала. Немцам не удавалось прорваться к акациевскому перебору. И дядюшке Максиму было приятно сознавать, что и он, старый садовод, естрема в немце, не пшелся как к ограде, с винтовкой в руках защищая родную землю».

И когда бойцы громко закричали «ура», перескочили через ограду и побежали по участку сада, гоня немцев, когда несчастный порывистый коммент бой, вслеза по бойким елкам и Максим Архипович. Но друг старик почувствовал резкую боль в плече, в густом потемнении».

Шум сражения то нарастала, то утихал, еще копосился винтовочные выстрелы, но это было уже далеко за садом; немцев отбросили».

«Я был в Малиновке минушним летом. Зелен, покой, вишни. В саду дядюшка Максим, под «лесной красавицей», возмшчалась аккуратно огороженная белым железом братская могила. На дождике, обрабнченной лицом к поляне, я прочел имена героев Отечественной войны. И рядом с именем майора Ивана Панфилова Ч Колосова было написано: «Садовод Максим Архипович Антошко».

На «лесной красавице», оправившись от ран, распустившей пышную крону, висела табличка с надписью:

«Под этой грушей в бою с проклятыми немцами пшам смертью храбрых зинтийный садовод Малиновки дядюшка Максим».

День и ночь переищиваются в саду листья груши. «Лесная красавица» стоит над холмиком братской могилы как живой памятник тем, кто сознательно, мужественно и бескорыстно отдал жизнь за будущее счастье людей».

Беженцы все шам и шам...

Рис. Д. Дубинского

ГЕНЕРАЛ КУЛЬНЕВ

Много было в России отчаянных и талантливых генералов, и среди них один из выдающихся — Кульнев, прославивший свой имя в эпоху первой отечественной войны. Он был широко известен личной отвагой и военными способностями.

В Кульнев поистине со скрупулезной откровенностью простукался лучше, благороднейшие черты русского воина, и вообще здесь он, во всех своих мыслях, словах и поступках, был живым воплощением национального духа русского воина. Знаменитый партизан Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, служивший с Кульневым, очень хорошо сказал о нем: «Кульнев была нашего родной, и даже белорусско-русской кровью, как зина Полдана». Он был таким, как мы представляли себе россиян того времени, когда все их славили, все обещания, все клятвы их скреплялись одной фразой: «Да будет мне стыдно и обидно, если не от слова законца, а от страха упрек собственной совести».

И Кульнев действительно служил России не за страх, а за совесть. «Для чести и славы России я не боюсь падать живота моего», — говорил он, и это было не красивой фразой, а делом всей его смелой и благостной жизни. Превыше всего ставил он понятия воинской чести и патриотического долга и неутомительно внушал их своим подчиненным. Вот его приказ офицеру, занимавшему передовую пост: «Ежели бы у нас осталось только два человека, то чести ваша состоит в том, чтоб иметь четверых всегда на глазах обоего меня уведомлять. Впрочем, старайтесь оставить пушк, который вы защищаете, до самого нуля». А вот другой приказ — по отряду: «Разные пустые бабы и дураки отравят вашу твердость. Часть и слава — наша дядя; чем больше неприятель, тем славнее».

Кульнев считал себя рожденным для войны и не мог и помыслить о том, чтобы изменить своему призванию. Когда он влюбился и задумал жениться, ни к несчастью, невеста потребовала, чтобы он оставил военную службу. Тогда он немедленно порвал с нею, излил свои негодование и язвительное письмо: «Сколько ни сильна любовь моя к вам, но привязанность к Отечеству и клятвы, которую я дад самому себе — служить до последней капли крови, — восторжествов над всеми чувствами, которые питаю я к вам».

Самой природою Кульнев, казалось, был создан для яростной славы. Наружность его несомненно привлекала внимание. Это был дущающийся, но крепко бытов человек богатейшего роста, с замашками анского индизника, с эбмюрской головой, трупной складкой. Он отпустил длинные густые усы, соединившиеся с огромными бакенбардами. Могучий, багистый голос его покрывал шум боя.

Простым, солдатски неприхотливым был его быт. Современники незаром называли его «бедняком в мире генералов». Служа долго и со славою, он в своем жилье и умер бедняком, полагая, что суровый образ жизни украшает военного человека. «Я всё живу по-старому», — говорил он в одном письме, — сплю на соломе и пошу одну чашу драшну и прохладичу чаю». Что касается война, то бедность его венчал, содевает непобедимым, страшным и добродетельным. Знаток и любитель истории, он селся при этом в своем архиве и ризмал, у которых «бужество было перво добродетель». Он был скромен и любил повторять, что «гораздо лучше быть меньше награжденным по заслугам, чем много награжденным по заслугам». Духовная доброта его была безгранична. Любвию дола жалования и награды

денги он отсылаа старухе-матери, братьям и псалмнице и в великой охотой по-могал немущим солдатам и офицерам-своим сосужакам. А сам жил по-спартански, довольствуясь пшк, да кашей, чаркой водки да кружкой кваса.

В жестокие время крепостничества Кульнев сумел найти дорогу к солдатскому сердцу. Он действительно был от солдат, знаток о них лично и поощи, и они лавали ему трепетной и полной доверенностью, шл за ним в огонь и в воду. Когда

Я. П. Кульнев.

однажды в походе несколько солдат поморозил ноги, Кульнев жестоко разбил в приказе их командира:

«Из его должно заключить, что сакши были тесны и более способны для летнего парада, чем для зимнего военного похода. Лучше приказать к настоящей службе, пенить о баге подчиненных, чем учредить тело человеческое пущам и ни к чему не нужным холодам, а паче в такое время, когда идём приобретать новую честь и славу».

Однако служить под начальством Кульнева было вовсе не легко. Это забойный командир, внимательный ко всем нуждам солдата, бываа беспощадно строг, когда дело касалось хотя бы малейшего нарушения военной дисциплины. Все как один боялись его приказов и выговоров — то грозных, то язвительных-насмешливых. Особо неумолим бываа Кульнев в тех случаях, когда солдат надул дурака. Трусость и мелочливое приглядан его буквально в наступление, и он был страшен в гневе. Сам он совершенно не знал страха смерти, первым бросаясь в огонь и последним уходя с поля боя и всяк же безусловной отвагой превзола от всех своих подчиненных.

Громовое личное обилие Кульнева, его бесстрашие, неизменная вежливость и доступность, редкое бескорытие и справедливость, душевное благородство и какието необыкновенная талантливость, каковы бываа из этого могучего и летного человека, удивительно гармонировала с его сужоревскими замашками. Кульнев был учеником и восторженным покло-

ником Суворова. Он глубоко усвоил суворовскую науку побеждать и во всей своей бойовой деятельности следовал заветам великого полководца. У Суворова он научился быстрым маршам и внезапным, сокращающимся ударам, под его начальством оценил силу внезапного порыва и изучил тактические приемы авангардного боя.

★

Вот в немногих словах бойовой путь Якова Петровича Кульнева. Он родился в 1783 году в обедневшей семье и очень рано лишился отца. Мать пристроила его в кадетский корпус. Оттуда он был выпущен поручиком в пехотный полк, но в дальнейшем служил в гусарах. Он с отличием участвовал в турецкой и польской кампаниях и вграничных походах против наполеоновской Франции (1805 и 1807 годы) и быстро завоевал репутацию храброго и предприимчивого офицера.

Но особенно прославился Кульнев во время русско-шведской войны 1808—1809 годов, командуя авангардом армии, действовавшей в трудноподходимой, скалистой и озёрной Финляндии. Здесь военное дарование Кульнева проявилось с полной силой. Фрива в Финляндии носила оборонительно-оборонительный характер и зачастую приимаа формы партизанских действий. Она требовала неунывающей бдительности, изобретения и выносливости. Командирам это и было Кульневу по душе. В сиегах Финляндии он очутился в своей стихии.

Кульнев стаа грозой шведов. Он не лавал им передышки, появляясь там, где его вовсе не ждали, смеяа взлук и обращаясь к боевому элементу собственного противника. Однажды он получил донесение, что большой шведский отряд укрепился на выгодной позиции. С Кульневым была кучка гусар, но, зная, что мало, он пробил их с позиции и гнал несколько верст. Подоспевшие шведские подкрепления встретили гусар Кульнева с огнём. Командиром это и было Кульневу по душе. В сиегах Финляндии он очутился в своей стихии.

Не меньше отваги и стремительности выказал Кульнев, когда прошёл со своим отрядом по льду Вотчинского залива и появился под стенами Стокгольма. В шведской столице неожиданное появление русских произвело оштрашение.

После заключения мира со Швецией Кульнев с большим успехом сражался с турками в Молдавии.

Командуя по преимуществу авангардными отрядами, Кульнев причисл себя ежеминутно быть начёку. Он славился своей неутомимостью и строгой выдержкой в службе с оружием. Больше всего не шадил своего себя. «Я не сплю и не отдыхаа, чтобы армия спала и отдыхала», — говорил он и в самом деле почти не спал и не отдыхал. В походе он не развешивал по ночам, а только спускал и клаа его у изголовья. Конь его всегда спал наготове, обездвиженный. При первом же выстреле или получении известия с передовой линии он выскакивал из шатра и с ним отходил с одним ординаром, чтобы взглянуть своим глазом. Каждый разведчик, вернувшись в лагерь, обязан был будить его в любой час. Денис Давыдов, живший

с Кузьминым в одном плаще, жвавовася. Это его будили по ошибке вместо Кузьмина по семье — восемь раз за ночь, «что было истинно неправосмысленно».

«Война не за горами, — писал Кузьмин брату в марте 1812 года, — может, бог приведет мне саучай отличить себя новыми лаврами». И когда через два месяца с истребительными вылазками поднялись оторваться в Россию, Кузьмин, конечно, оказался в первых рядах защитников родины. И на этот раз он сражался с отчаянным мужеством, командуя теми же гренадерскими гусарами и ротами, с которыми так славно воювала в Финляндии. Кузьмину довелось одержать первую серьезную победу над французами в 1812 году: на берегу Двины он стремительно атаковал и разнес крупное соединение французской конницы, истребив его почти без остатка (так что вся дорога была устлана трупами) и захватил в плен бригадного генерала, который как первый «трофей» Отечественной войны был тотчас же отвезен в Москву.

Но уже недолго суждено было Кузьмину сражаться за честь и независимость России. Он пал в бою в 1812 году.

Смерть Кузьмина была тяжелой как мужественной, так вся его жизнь. «Ждал я и пал от меча несправедливого, то палу славою. Я почитоу счастьем пожертвовать посласнейою каплею крови моея, защищая Отечество», — так писал он в послужном списке. Через несколько дней, 20 июля 1812 года, в кровопролитном сражении под Калитами ядро оторвало ему обе ноги и он умер на месте. Однако он еще навива сломать с себя Георгиевский крест и бросил его окружающим со словами: «Возьмите! Пусть испритель, когда найдёт труп мой, примет его за труп простого, рядового солдата и не шесашивает убитым русского генерала».

Когда Кузьмин был убит, отряд его отступал. Солдаты подняли тело альбинома и отнесли в тыл. Но замечательно, что в тот же день русские войска перешли в наступление и привели труп Кузьмина обратно в Калиты и похоронили его близ того места, где он был убит. Это последнее земное странствие храброго Кузьмина приобрело поистине символический смысл: даже мертвым он шел со своими солдатами в наступление.

★

Подвиг Кузьмина доставил ему всероссийскую славу. Он был альбином армия и народа. Ещё при жизни о нём складывались легенды и песни. А его славная смерть отозвалась поезде — вплоть до глухих деревень, куда валмикирские офицеры заносили зубочные картриджи, изобретавшие как Кузьмин, пораженный французским ядром, падает с коня.

Чем же объясняется эта широчайшая популярность генерала Кюва Кузьмина, почему именно он стал народным героем в прямом и точном смысле этого слова? Конечно, не только потому, что он был удачливым военачальником, одержавшим немало славных побед, но потому, что он был плоть от плоти и кость от кости русского народа, потому, что его бурное патристическое воодушевление, басстащая храбрость, редкое благородство, широта душевного размаха и даже неповторимая оригинальность натуры создала такое богатое и гармоничное сочетание исключительных черт и национальных особенностей, какое редко встречается в одном человеке.

Мужественный и благородный образ храброго Кузьмина заслуживает того, чтобы остаться в памяти потомков нашей непобедимой родины. Такими людьми всегда держалась русская земля. Такими альбином она сильна и теперь. Об этом отчаянно сказал сам Кузьмин: «Герой, служащий Отечеству, никогда не умирает: он скжывает в потомство».

Екатерина Шевелёва

СУВОРОВЦЫ

У мальчика первая война.
Его лицо овеяло буйный ветер.
Он видел дым военных и огонь...
В училище пришли такие дети.
Враги при них калечили ребят
И угоняли девушек на запад,
С цветов слышали правый аромат
И по земле стелили трупный запах.
При них сжигали наши города.
И боль, и гнев, и ненависть, и горе
Остались в юном сердце навсегда
И отразились в юношеском взоре.
Суровой школою была война,
Но дети воле порока и стали
Росли, мужали, как и вся страна,
И грозным воздухом борьбы дышали.
Вот перед ними русская земля
В синие солдешном прекрасна и нетленна,
Леса и горы, реки и поля,
Берёзка, возвращённая из плена,
Как родина близка и дорога!
Как вся она раскинулась богато!
И зашипеть отчаяну от врага —
Высокое призвание солдата.
Так, видя наше знамя в вышине
И помня славы добрые примеры,
Пока в разумной школьной тишине
Для полководца растите, офицеры,
Пред вами жизни долгие года,
Пред вами широко раскрыты дали,
Нам имя славное Суворов дал,
И думает о вас товарищ Сталин!

Фото С. Струнникова

...Промялись вешние воды. Влекулели и бескоюные, сини, агапони леса. Далеко в дуга и пильны зашли тихие полог—рав, вода.

Явно и тепло. Облывками желтой лудры повисли над тихими заводами боскозона пшутные гны. Боршамь безлукотых осян окутаны лилым твоем шнью загустешным твоем же.

На розовых от зорь водах Московского моря вешны стян уток и гуей. В воздухе з криками кувырятся и птвичны бранных полетах чибиси. Гранозные серобелые твичи кажутся несомными в складчатом-бромшем полейте над водной гладио.

По вочам высоко над голозой слышится дребезжащий звук. Это летят стая уток гоголей. И звук их полета походит то на верховный поканчивающийся хрустальный дождь, то на заглаживающиеся бубенцы удалой тройки. Охотники зовут гоголей «вояжи». Узнаваемо музыкальные звуки издаются сильными крыльями эти белобочие птвичи.

Вешней слоб птвичи и полным выдуре. Горизонт над Московским морем словно тучены птвичами с бусами—то твичи стян. Гуси летят. Тянутся веревками курлячек, журавли...

Крылатые синицаны вешней птапыты—красивые птвичи стян—летят на север шевочкой, строем фронта, кильватерными колоннами, треугольниками, по-охотничьи «клетками». Со всех концов света—из Индии, Австралии, Африки, Китая, Японии, США, Ивона, с Богатанских островов, на боссеина Среднемоного моря—возбуждающиеся и белотыла перелетные птвичи летят к нам на необятные просторы заполненных тучей.

От Норвегии до Алески, по всему побережью Северного Ледовитого океана, растопилась белоснежная степь тучей. Это розница птвичи моря. Сюда летят курс птвичи всего ядра и поспевают всегда повроне, без сбоя, без комаса, без капт...

С древних времен оседланные северя птвичи вешней и осенью сохраняют неомеяемые границы летнего дальнего рейса из разных стран в Северную Африку. На зимовках они не поют, не выводят, только эжирют, тоскуя по родине. Сейчас с ликующими климатами и тросом привадыта они к нам—из-под пальм Африки и индям скромные осинники и березники, с тучного вильского вала в наши моховые болота, на ветучю

Фотограф С. Вейберга

Д. Зуев

НА РАЗЛИВЕ МОСКОВСКОГО МОРЯ

мерзлоту тучды. В гостях их корозь, а дома лудше.

Московское море вешно намениши з маршурцы птвичны водных дорот. Огромный водный бассейн привлек несметное количество крылатых путешков. На верховье Волги оставлены птвичи во время дождя перенеслись на Московское море, берега которого с каждым годом всё больше и больше зарастают занятиыми и корявыми водными растениями, создавая уют для гнездования дичи и отдыха-перепутка на пролёте.

Скоро здесь остаются на гавдане гуей. Уже сейчас тут водолу задеваются большие косяки этой самой крупной водоплавающей птвичи. Можно наблюдать здесь огромные стян уток шилохвостей. Стаями, с золотисто-лиловым «серкальдем» на крыле, с длинной тонкой, гусиной шеей и острым чёрным хвостом, селезень шилохвосты эффектно сидят на воде; хохлат, что он повсюду хочет залететь. Недаром древние египтяне изобрази эту красавицу раншу северную утку иероглифом

для изображения повнати «лететь»,—этот иероглиф встречается на папирусных манускриптах; увеличавши близость на памятниках, на гробнице обоженов, на усильных фараонских пирамидах, на колоннах храма.

Новая фауна вызывает к жизни вешую флору. Московское море, измененное ландшафт подмосковной природы, становится природным птвичим зоологическим. Здесь образуются птвичи кодовия, создаются интересные сообщества эволютных и растений. На берегах Московского моря расположено научно-опытное охотничье хозяйство Восьмерского авиационного охотничьего общества. Под его охраной здесь гнездуется чайка, чибиси, мелкие и самые большие кулики—кряквички,—разные породы уток, дупеля, бекасы.

В вешней разлив Московское море представляет интересное зрелище. Ликующий птвичий край поится над его просторами. На островах, выходящих из воды, вылет гусей-гусей. По-бития улететь виль. Это большие птвичи-исельники уже прижились в вепо-

ходных топях. Необычайной музыкальностью повнати во время вешнего ттования удаляют кромешны. С дельнами, пологими на их крыше сбави колонами они лабарют высоту, а затем спускаются планиром, рассыпая мелодичную ардуальду-шпую трель...

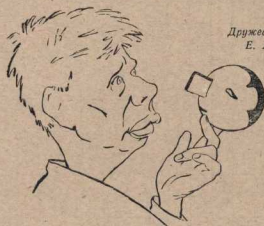
По вочам поет карельский соловей—«слегурия», красная вараушка. Днём среди полей неслышимым ролдиком журчит псея жаворонка. Бодро и четко выводит свои фисуртуры певчий зрозл. Пустит мелодичную трель и в паузе словно сам себя слушает, усаживаясь обязательно на самой макушке ели, чтобы его огословно было виль...

Завоный хор певчих дичи неслышим. Своей воздух повнати вешними романтизм. Картины оканчивающей после зимней спячки природы радуют гла. И каждый, попавшего в эти дни к берегу Московского моря, ощущает восхищение красотой вешней русской природы.

Московское море—экообразная природная лаборатория для охотников и сотрудников Академии наук СССР. Здесь осуществляется в огромном масштабе опыт пробирования природы. Но это—только начало. Нашей молодежи предстоит принять активное участие в передаче природы, а для того, чтобы стать творцами обильных форм и фауны, нужно неустанно изучать живую природу.

Весна и лето—особенно удобная для этого пора. Розная природа необычайно разнообразна и богата. Вся гамма контрастов живой природы, встречаемая на территории нашей страны—от ледовых заберегов и торогов Заполярья до эволютивных субтропиков Закавказья и пустынь Средней Азии. Неполный край неразделенных и некухачивых природных богатств ещё ждёт приложения сил энтузиазма молодого патриотизма. Развивайте в себе способность наблюдать—это очень важно для науки и в мирной и в военной обстановке. Приглядывайтесь, замечайте, раздумывайте, помышляйте, открывайте явления природы, ищите виды полезных растений и непременно по гоимым слухам сразу же записывайте факты, ведите дневники экскурсий, путешествий и охот. Следуйте мудрой поговорке: «У путешественника нет памяти»,—летно и верно только записанное творче...

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ РАБОТЕ

Сергей Образцов.

Дружеский шарж
Е. Халиловой.

ПАРТИЯ № 6

(Игра на полуфинале Всесоюзного шахматного чемпионата в марте 1944 года)

Белые: Флор
1. d2—d4
2. c2—c4
3. Kbl—c3
4. Cl—g3
5. e2—g4
6. Kgl—f3
7. ad—c3
8. Фd1—e2
9. c4—d5
10. K: d5 10. K: d5
11. K: g5 Ф: g5 12. Kc7
10. Kf3: d4
11. Чёрные: Загорянский
Kg8—f6
e7—d6
d7—d5
Cf8—e7
0—0
Lf8—c8
Kf8—e7
c7—c5
Осторожно было бы теоретическое продолжение 8...с6. И во всяком случае, полезна быт бы ход 8...h6.

9. c4—d5 e5: d4
Или 9... K: d5 10. K: d5 C: g5? 11. K: g5 Ф: g5 12. Kc7.
10. Kf3: d4
11. Чёрные же даёт белым продолжение 10. d: e6 d: c3 11. e: d7 K: d7 12. C: e7 c: b2.
19. Cg5: e7 Kf6: d5
Kf6: c7
После 11... Ф: e7 12. K: d5 чёрные получают изощрённую пешку.
12. Cf1—e2
Ужасно было и 12. Kf5. Но от угрозы 13. Kc7 чёрные спаслись бы ходом 12...Lf8.
12... 0—0 Kf7—f6
14. Фe2—b3 e6—e5
15. Kd4—f3 Kc7—c6
16. Kf3—g5 Фd8—e7
17. Ce2—e4 Lf8—e7
18. K: e4 K: e4
19. C: f7+ L: f7 20. e: d4 e: d4 21. Lf1: d3 c3: 22. Lf1+ K: e3 Ф: h7 Kf6 24. Lf1 Kf6 25. Фh3+ Kf8 26. Kf7 и чёрные получают красивый мат. Но дело в том, что при хорошей защите 21. Lf1 23. Фh3+ Kf8 24. Kf5 K: d5 25. Ф: d5 h6 преимущество

Положение после хода чёрных 17... Лf8—e7.

белых недостаточно для выигрыша. Поэтому я решил следующим ходом перейти в выгодный для белых эндшпиль.
18. Kc5—d5 Kf6: d5
19. Cc4—d5 h7—h6
20. Kd5—e4 Cc8—e6
21. Cd5: e6 Lf8—e7
22. Kc4—c3 Lf8—e7
23. Lf1—c1 Ld8—h6
24. h2—h3 Ld8—h6
25. Lf1—c3 Cc8—e6
26. Фh3—e4 Lf8—e6
27. Фe4—e4 Lf7—f5
Конечно, играть 27...Ф: h3 нельзя из-за 28. Ф: g6. Kf8—d7
29. Lf1—d3 Kf6—f4
Этот ход быстро губит партию чёрных. Но против угрозы потери пешки не было защиты. f4: e3
31. f2: e3 Lf7—e7
32. Kc5—d3 Lf7—e7
Теперь всё конечно. Пешку белых защищать.
32... Фc8—f8
33. Lf5: e6 h7: e6
34. Kf3—e5 Фf8—f6
35. Lf1—c5 Фe6—b6
36. Lf2—h4
37. h3—h4 Lf7—h8
38. Фe4—f5 Фf6—h6
39. Фf5: c8
40. Kc6: d6 Фf6: h4
41. Фc8—f5 мат.

...Над ширмой появляется истерически сделанная кукла. Она поёт, жестикулирует, смеётся, сердится, плачет, приказывает, выполняя волю неяркого для публики нева.

Судятеlem оригинального эстрадного жанра «Романсы с куклой» является заслуженный артист республики Сергей Владимирович Образцов. Талантливый режиссёр и актёр, он отдал работе с куклами много времени и творческой фантазии.

С. В. Образцов — организатор Центрального театра куклы и его бессменный руководитель. Дети и взрослые с равным интересом посещают постановки этого театра, который недавно вновь открыл сезон в своём помещении — в Москве, на площади Маяковского.

Вот что рассказывает о своей работе Сергей Образцов:
— Ради куклы я бросил и профессию художника, о которой мечтал с раннего детства и потом долго учился живописи и графике в Вхутемасе, и профессию актёра обыкновенного театра, хотя играл в московских театрах крупные роли.

Началось всё увлечение с простого дручества. Куклы сперва развлекали только меня самого, да моих домашних и товарищей по университету и Вхутемасу. Но однажды кто-то предложил мне выступить в концерте. И вот совершенно неожиданно зрители проводили кукол весёлыми дружными англо-монетами. С этого началась Куклы общались: и с любящими и с любящими слушников моей жизни они стали её хозяевами...

С тех пор прошло больше двадцати лет. Я много и часто выступил в концертах. Мои куклы смеялись над самовлюблёнными чинавскими романсами, над манерой исполнения классических арий, над шлохами, штак-

пованными ораторами. Две собаки поют: «Мы только знакомы; две кошки — с тобой мне побойться хотелось»; огромный белый медведь поёт шуточный романс о Паланае; пильница исполняет романс «Надлежало, в нём нет вины», а Муссолони — арию «Смелый, плавай!» и из его гавы бракусы райды. В моём репертуаре есть Бизе и Чайковский, Муссорский и Даргомыжский, Ильяф и Петров и Маяковский.

Помимо конкретных выступлений уже больше десяти лет я веду другую работу: руковожу Государственным центральным театром куклы. Началось это дело тоже с маленького собрания шесть актёров, и для работы нам дали маленькую комнату. Сейчас это большой театр, насчитывающий около двухсот работников, с бюджетом в два миллиона рублей.

Театр играет и для детей и для взрослых. Мы поставили «Каптанку» Чехова, сказки «По щучьему веленью» и «Кот в сапогах», «Ночь перед Рождеством» Гоголя, «Ляму Алладина» (из «1001 ночи»), «Король-олень» Гоцци. У меня появились друзья и соратники, актёр и драматург Б. Селарский, режиссёр В. Громов, художники Б. Тузуков и В. Терехова. Все они так же, как и я, целиком захвачены Театром куклы.

Что же нас увлекает? Постарайтесь объяснить. В каждом виде искусства — в литературе, живописи, скульптуре — во все времена были художники, создававшие произведения фантастического, в которых было много остроты, бычужней сатиры. Волшебные Гоголя, Шафта, Крылова, вспо-

Эскизы куклы к спектаклю «Король-олень» в Центральном театре куклы: Бригелла (слева) и Дворецкий (справа). Художники — Б. Тузуков, Ю.

лой лампы выражает чудовище — джиги. В сказке Гоцци «Король-олень» король превращается в оленя, а Бригелла — в попутца. В этих постановках много фантастического и смешного, но много и романтического, героического, лирического.

В этом году мы хотим показать новые постановки: «Маугли», вселенширово по Киллингу, вселенширский-концерт «Мозик-холд» и современную комедию, и над которой работает актёр и драматург Евгений Селарский. В этом спектакле будут действовать и куклы и живые люди.

За время войны наш театр обыхал десятки городов Советского Союза, много играл на фронте. Кроме того мы создали и осуществляем в армейских кукольных театрах, поставили на специальную артистическую программу.

ОШИБКИ ЗРЕНИЯ

Всегда ли мы видим предметы такими, какими они есть, и в правильных размерах или наши собственные глаза иной раз обманывают нас?

Истина такова, замечает один американский журнал, что стереоскопическая камера, которую мы «носим в голове», является довольно примитивным оптиче-

ским инструментом. Мы удовлетворяемся этим инструментом потому, что понимаем, как им пользоваться, кроме того привыкли к его дефектам.

Следующие примеры показывают, что не всегда человеческий глаз правильно воспринимает видимое.

Рис. 1.

На рис. 1 концентрические круги. Вы не поверите этому, пока не проведёте пальцем или карандашом по следу кажущихся спиралей. Иллюзия спирали возникает потому, что размеры и линии у соседнего заставляют глаза автоматически устремляться к центру.

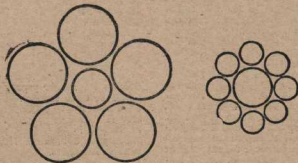

Рис. 2.

Рис. 2. Который из двух внутренних кругов больше? Они одинаково велики, однако левый кажется меньше, потому что он окружён и «подавлен» кругами

крупнее, тогда как правый кажется больше по контрасту с малыми кружками, его окружающими.

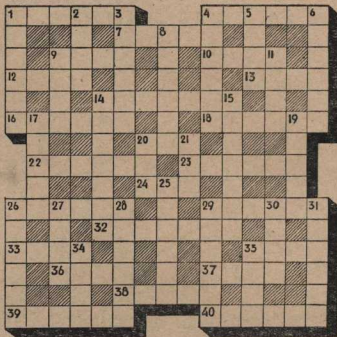
Рис. 3.

Рис. 3. Между носом и наиболее близкой к нему точкой, где скрещиваются зрительные оси, имеется пространство, в котором мы ничего не видим,—слепое пространство (у некоторых животных это пространство очень велико: кролик, например, не видит того, что он ест). Если при-

близить центр этой картинки к кончику носа, то средняя фигура исчезнет. Обе боковые фигуры приближаются друг к другу, и, по мере того как мыши, заставляющие сходиться угол зрения наших глаз, утомляются, крайние фигуры «сдуваются».

Кроссворд

Составил читатель «Смены» Ш. Мухачев.
(Дзержинск, Алаш-Атланской области)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Промышленное общинного характера.
2. Государство на Балканском Востоке.
3. Лесное.
4. Строительный камень.
5. Животное.
6. Должность в наших учебных заведениях.
7. Вид верней одежды.
8. Отрывок речи в приподнятом тоне.
9. Ток.
10. Озеро в Арктике.
11. Термин в археологии.
12. Город в Забайкалье.
13. Предмет русской народности, являющийся в Забайкалье.
14. Волост.
15. Оправительный материал.
16. Ось ковшной выработки.
17. Часть льда.
18. Человек, ведущий охоту.
19. Вид верней одежды.
20. Осушающая машина.
21. Часть льда.
22. Часть льда.
23. Часть льда.
24. Часть льда.
25. Часть льда.
26. Часть льда.
27. Часть льда.
28. Часть льда.
29. Часть льда.
30. Часть льда.
31. Часть льда.
32. Часть льда.
33. Часть льда.
34. Часть льда.
35. Часть льда.
36. Часть льда.
37. Часть льда.
38. Часть льда.
39. Часть льда.
40. Часть льда.

восточного государства. 40. Река на Кавказе.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Прозрачное вещество.
2. Государство на Балканском Востоке.
3. Лесное.
4. Строительный камень.
5. Животное.
6. Должность в наших учебных заведениях.
7. Вид верней одежды.
8. Отрывок речи в приподнятом тоне.
9. Ток.
10. Озеро в Арктике.
11. Термин в археологии.
12. Город в Забайкалье.
13. Предмет русской народности, являющийся в Забайкалье.
14. Волост.
15. Оправительный материал.
16. Ось ковшной выработки.
17. Часть льда.
18. Человек, ведущий охоту.
19. Вид верней одежды.
20. Осушающая машина.
21. Часть льда.
22. Часть льда.
23. Часть льда.
24. Часть льда.
25. Часть льда.
26. Часть льда.
27. Часть льда.
28. Часть льда.
29. Часть льда.
30. Часть льда.
31. Часть льда.
32. Часть льда.
33. Часть льда.
34. Часть льда.
35. Часть льда.
36. Часть льда.
37. Часть льда.
38. Часть льда.
39. Часть льда.
40. Часть льда.

В НОМЕРЕ:

К 25-летию пребывания М. И. Калинина на посту руководителя верхнего органа Советского государства.

В. АРДАМАСКИН — Особое задание.

А. СУРКОВ — Штурмовик.

С. ОРДМАНОВ — Два стихотворения.

Три письма

В. ЛУКАШЕВИЧ — Юность Дундича.

А. ОСТРЕБКО — Паризские стихи.

О. ЗИВ — Часы.

М. МЕРЖАНОВ — «Лесная красавица».

Вл. ОРЛОВ — Генерал Кулиев.

Е. ШЕВЕЛОВА — Суворовы.

Д. ЗУБЕВ — На раздвиге Московского моря.

Беседы с читателями: Сергей Образов рассказывает о своей работе.

Шахматы. Ошибки зрения. Кроссворд.

Рисунки художников Г. БАЛАШОВА, Г. ВАЛДКА, В. ГОРЧЕВА, Д. ДУВИНСКОГО, И. КИЗЬМИНА, Е. ХАЛИПОВА.

На вкладки: «МАТЬ ПАРТИЗАН» — картина художника С. ГЕРАСИМОВА.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Формат 21х110 см.

2½ печ. л.

Зн. в печ. л. 98 000.

Заказ 860.

Тираж 30 000 экз.

Изд. № 291.

А5156.

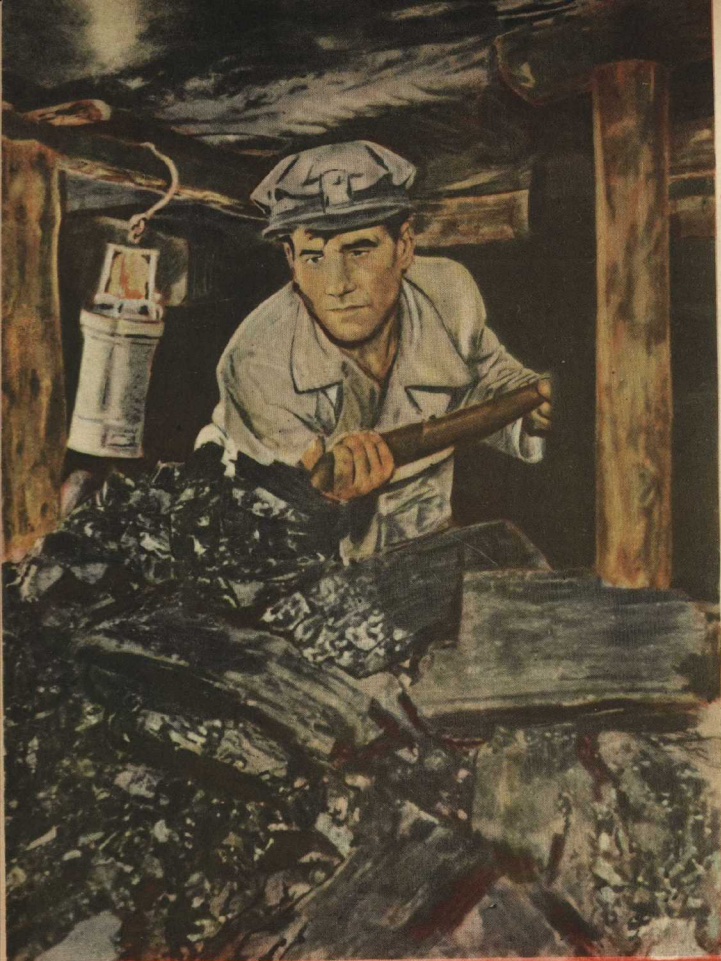
Подписано в печать 12.V-44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Стахановец шахты № 10
треста «Сталинуголь»
И. Аллистратов, система-
тически перевыполняю-
щий свою норму.

Фото М. Радкина

СМЕНА

ЦЕНА 1 руб.